

Любимов Юрий
(Бабар)

05.10.09

с Николаем Климонтовичем

Поклон Таганке

Сорок лет назад Театр драмы и комедии обрел нового режиссера Юрия Любимова и новых артистов

Неравнинская 2004 - 5 авг - с. 12

Мне повезло в жизни: я был с кем-то шапочно, с кем-то ручно – а с кем-то нежно – знаком с некоторыми великими людьми. Я собственными глазами видел надпись Андрея Вознесенского на стене любимовского кабинета, как, впрочем, и самого поэта. Она гласила: «Все богини как поганки перед бабами с Таганки». Подпись была жирная. Но содержание надписи меня в те годы не удовлетворяло. Баб с Таганки я боготворил. Это при том, что, как я понимаю теперь задним умом, они, быть может, не были красавицами с обложек глянцевого журнала, но все как одна были талантливыми и восхитительными...

Я еще застал этот театр, когда основой его репертуара были пьесы нынче безвестных ленинградских близнецов. Поэтому для меня было огромным сюрпризом, когда я пришел в маленький обшарпанный зал, который уже пахнул гнилью и развалом, и увидел там замечательный спектакль «Добрый человек из Сезуана». В те годы было невозможно помыслить, что женщина может ходить в штанах, – тем не менее Зинаида Славина в них ходила. Дальше этот театр

шим лидером, заразив их страстью к Брехту. Актеры Таганки были замечательными девушками и парнями, почти как мы. Только лучше – талантливей, свободнее, потому что их вел Мастер.

Мы их обожали. Не только Высоцкого, песни которого слышались тогда на всех углах, но и Золотухина, и Хмельницкого, и неподражаемой красоты Шацкую, и даже маленькую-маленькую девочку, которая изображала клоуна в спектакле «Антимиры». Где найти сейчас слова благодарности этим людям...

Для моего поколения Таганка – это восхитительная юность, как для детства было колесо обозрения

предъявил нам еще больше бешабашности. Мы приходили на представление, называвшееся «Десять дней, которые потрясли мир», и вполне натуральные красноармейцы в буденовках накальвали наши билеты на натуральные штыки. Правда, рожки у них были чересчур хитрые. Юрий Любимов был любимым, простите меня за невольный каламбур, выучеником Вахтанговского училища. Он снимался в кино как герой-любовник, и его обожали зрительницы. Никому и в голову не приходило, что такой красавец способен увлечь за собой целую толпу актеров. Он стал настоя-

Удивительно уже одно то, что они, будучи умницами и талантами, знают свое место в русской культуре, но отнюдь не задаются. Это потому, что Юрий Петрович Любимов научил их быть не просто прекрасными, но интеллигентными.

Для моего поколения Таганка – это восхитительная юность, как для детства было колесо обозрения. Захватывало дух от ощущения высоты и полета. Быть может, для нынешнего поколения песни безусловно гениального Высоцкого переживаются памятью о тогдашних спектаклях. Но для нас Высоцкий тогда был лишь одним

Юрий Любимов сумел найти слова, чтобы говорить со сцены о свободе.

Фото Александра Шалгина (НГ-фото)

из труппы, замечательным Галилеем. И замечательным Гамлетом.

Тогда были разные пристрастия, которые сегодняшнему поколению могут показаться странными. Мы пели песни Юрия Визбора и его подруги. Типа: «Льжи у печки стоят» и «Солнышко лесное». Мы были насильственно сентиментальны. Может быть, довольно тяжелый быт нас склонял к романтике. Что уж говорить, нас научил подпольный по тем временам Мандельштам: «...мы с тобой на кухне посидим, сладко пахнет сладкий керосин». Замечательно, что Сталин, который построил империю и тиранию, оставил население своей страны в водке, керосине и ссылке.

Это все прекрасно помнит режиссер Любимов. Как человек культуры, прямо он это никогда не изъяснял. Но об ощущении человека, страдающего от тирании, он поставил вполне доходчивый спектакль. Он ставил спектакли о том, что человеку легче дышать, когда его не держат за горло.

Все время хочется вспомнить те веселые и невеселые годы и хочется еще раз поклониться в ноги этому замечательному артисту, который намекнул нам, что можно дышать, не отмечаясь при этом в парткоме. Он за это сильно пострадал. У него не только отняли созданный им любимый театр, но даже на какое-то время отняли Родину. Конечно, талант великого мастера не дал ему пропасть в зарубежье, но тоска по своему театру скорее всего не давала ему спать по ночам.

Среди благодарных зрителей, приходивших к нему в кабинет, были академики, прославленные поэты, всенародно любимые актеры. Думаю, он принимал их ласково. Мне страшно жаль, что я был тогда лишь юношей и никак не мог по своему статусу пожать ему руку. Теперь я делаю это, пусть и посредством «НГ». Я никоим образом не намекаю, что уравнял с ним в статусе, но я уже настолько повзрослел, что знаю, как приятно Мастеру, когда ему кланяются. Я уже испытал горечь от того, что не успел вовремя поблагодарить людей, уже ушедших. Из смирения, как я теперь уже понимаю, ложного. Никогда не бывает слишком много благодарности. Я запоздало приношу ее Юрию Петровичу.

Мы жили Таганкой. Мы пели их песни. И впору впасть в тоску по тоталитарной стране, в которой был такой театр. Сегодня мы все как-то поблекли. Нам не хватает страсти и воли к сопротивлению. У нас иссякла энергия протеста. Мы даже любим женщин не так энергично и не так суеверно, как прежде. Все разрешено, а значит, не за что бороться. К сожалению, это относится и к Театру на Таганке. Хотя, господи, я недавно пил пиво с Валерием Золотухиным, я недавно поднимал рюмку с Вениамином Смеховым, они не дадут соврать, и мне показало, что у них, у замечательных актеров «той самой» Таганки, остался сухой порох в пороховницах.

У меня, у давнего зрителя Таганки, порох остался, надеюсь, тоже.